

Огановский Николай Петрович

**Крестьянская община и
социализм**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Петрович О.**
Крестьянская община и социализм / Огановский Николай Петрович – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 46 с.

ISBN 978-5-521-26023-2

ISBN 978-5-521-26023-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I. Что такое община.

За послѣднее время правительство наше частенько твердить: «частная собственность на землю неприкосновенна». «Что принадлежит помѣщику—принадлежитъ ему, что принадлежитъ крестьянину—принадлежитъ ему». У крестьянъ-общинниковъ нѣтъ частной собственности на землю. Оттого правительство, а вмѣстѣ съ нимъ партія богатыхъ помѣщиковъ и купцовъ—, союзъ 17 октября—находятъ, что община вредна, что нужно издать такіе законы, чтобы уничтожить общину въ конецъ—чтобы общиной и не пахло на русской землѣ. Не одно правительство и октябристы (правопорядочники тоже) сери́гы и, общину. Противъ нея возстаютъ и нѣкоторыя другія партіи—напримѣръ, партія социаль-демократовъ. Наконецъ, кромѣ политическихъ партій, кое-гдѣ и сами крестьяне, на югѣ и въ промышленныхъ губерніяхъ, тоже говорятъ, что община вредна.

Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ, справа и слѣва, сверху и снизу, уже давно начался походъ противъ общины... Теперь настало такое время, когда весь народъ, изстрадавшійся, изголодавшійся при старыхъ порядкахъ, потребовалъ новыхъ порядковъ, при которыхъ ему вѣрится, что вся жизнь будетъ перестроена по новому, будетъ болѣе легкой, свободной, счастливой. И многіе темные крестьяне думаютъ, что для этого нужно добиваться только одного—прибавки земли, такой прибавки, чтобы они не голодали. Но далеко не всѣ крестьяне

думали о томъ, что же съ этой прибавкой дѣлать? Прирѣзати ли ее къ своимъ старымъ надѣламъ, сдѣлать новую землю мірской, общинной, какъ старая надѣльная земля, или поступить съ ней какъ-нибудь по другому.

Теперь часто бываетъ, что надѣльная земля передѣляется въ общинѣ¹⁾, положимъ, по мужскимъ наличнымъ душамъ. Всякій хозяинъ получаетъ столько земли, сколько ему приходится по числу такихъ душъ въ семьѣ. Но вотъ стало мужикамъ совсѣмъ тѣсно; сосѣдній баринъ согласился продать землю черезъ Крестьянскій банкъ, но потребовалъ верхи. Платить верхи одинаково не всякій мужикъ можетъ: одинъ дастъ больше, другой меньше. Купивши участокъ, крестьяне начинаютъ дѣлить его межъ собою, но уже не поровну, по душамъ, а по паямъ, по дворамъ: какой хозяинъ далъ больше денегъ, тому и большій пай приходится. Выходитъ уже пользованіе землей не общинное (уравнительное), а подворное: на старой же надѣльной землѣ останется прежній общинный порядокъ.

Мы глубоко вѣримъ, что теперь крестьяне, наконецъ, добьются прибавки земли и мы на этомъ примѣрѣ видимъ, что съ этой прибавкой можно поступить по всякому: можно ее отдать въ общинное, а можно и въ подворное, въ вѣчное владѣніе, или временное пользованіе. И тутъ очень много зависитъ отъ тѣхъ законовъ, по которымъ будетъ установлена прибавка земли. Если пройдутъ законы, за которые стоятъ теперешнее правительство, октябристы, да, пожалуй, отъ которыхъ не прочь и социаль демократы, тогда дополнительный надѣлъ (прибавка земли) будетъ разверстанъ по дворамъ на вѣчно, а вскорѣ и старыя надѣльные земли перейдутъ въ подворное владѣніе. Если же дополнительный надѣлъ будетъ прирѣзываться къ надѣльнымъ землямъ цѣлыхъ обществъ, или если земля перейдетъ въ

¹⁾ Община не одно и то же, что сельское общество. Общиной называется крестьянское общество, имѣющее одинъ общій надѣльный участокъ. Иногда въ одномъ селѣ бываетъ нѣсколько общинъ, а иногда нѣсколько селъ въ одной общинѣ (т. е. у нихъ надѣлъ общій, недѣленный).

общее владѣніе всего народа, тогда община сохранится тамъ, гдѣ она есть. Законъ о переходѣ земли въ крестьянскія руки—дѣло очень важное. Напримѣръ, 100 лѣтъ тому назадъ у нѣмцевъ крестьяне освободились отъ крѣпостного права: и тогда правительство рѣшило уничтожить общину и нарѣзало выкупные надѣлы по обществамъ, а каждому отдѣльному двору. Такимъ закономъ община была подрѣзана подъ корень; и теперь въ Германіи почти нигдѣ нѣтъ крестьянско-общинниковъ, а всѣ владѣютъ землей подворно.

Отсюда видно, что отъ новыхъ законовъ, по которымъ будетъ установленъ порядокъ надѣленія землей, сильно зависитъ, будетъ ли существовать общинное или подворное владѣніе.

Многіе крестьяне, можетъ быть, скажутъ: «а намъ все равно, какъ дадутъ намъ землю, на отдѣльные дворы или на цѣлыя общины, лишь бы только дали, а то безъ земли намъ смерть».

И такіе крестьяне будутъ говорить неправильно. Не надо забывать, что теперь у насъ идетъ революція, т.-е. такое время, когда вся жизнь народа перестраивается по новому. И какой порядокъ будетъ теперь установленъ, какой путь проложитъ теперь новый законъ, по такому пути и пойдетъ жизнь народа на десятки, а то и на сотни лѣтъ. Значитъ, если теперь общинниковъ-крестьянъ повернуть на подворное владѣніе землей, то съ общиной придется проститься навсегда, а отъ этого, какъ увидимъ дальше, зависитъ весь строй народной жизни; отъ этого зависитъ, будутъ ли всѣ крестьяне болѣе или менѣе одинаковы по своему достатку, или одни станутъ богатыми, а другіе—нищими, одни заберутъ большія пространства земли, а другіе потеряютъ и старое.

Итакъ, разъ теперь строится жизнь народа по новому, на много лѣтъ впередъ, надо крѣпко раздумать надъ тѣмъ, какъ ее построить такъ, чтобы потомъ уже всему народу—всѣмъ крестьянамъ—много лѣтъ жилось лучше, а не хуже, чтобы потомъ не пришлось каяться. Иначе сказать, надо смотрѣть далеко впередъ, а не стоять на одной земельной нуждѣ.

«Какъ бы ни дали землю, лишь бы дали»—такая мысль для крестьянъ очень вредна. Вѣдь и въ 1861 году дали волю, дали и землю, а вышла эта земля и воля въ иныхъ статьяхъ хуже старой певолы.

Мало, значить, для крестьянъ требовать прибавки земли: надо имъ самимъ хорошенько обдумать, что съ этой прибавкой дѣлать, что выгоднѣе для народа: подворное владѣніе, или общинно-уравнительное пользованіе. А для этого надо посмотреть, что такое общинное пользованіе?

Этимъ мы сейчасъ и займемся...

Рядомъ съ Самарской губерніей лежитъ область войска Уральскаго. Въ этой области земли $6\frac{1}{2}$ милліоновъ десятинъ, которые принадлежатъ только однимъ казакамъ уральцамъ. Казаковъ всего 131 тысяча душъ обоего пола—значить, на наличную душу, и мужскую и женскую, приходится въ округѣ 50 десятинъ. Земли очень много и пользоваться ею никто, кромѣ казаковъ, не имѣетъ права. У казаковъ земля неѣленная: владѣютъ они всѣми $6\frac{1}{2}$ милліонами десятинъ сообща и каждый казакъ можетъ косить траву, сѣять хлѣбъ, селиться, пасти скотину на всемъ этомъ громадномъ пространствѣ. Еще 60 лѣтъ тому назадъ каждый казакъ могъ косить, пахать, пускать на пастбу скотину сколько захочетъ: есть у тебя средства—коси, распахивай тысячи десятинъ, дежи десятки тысячъ головъ скота, гдѣ хочешь, никто тебѣ слова не скажетъ. 60 лѣтъ назадъ казаковъ было въ $2\frac{1}{2}$ раза меньше, чѣмъ теперь, всего 50 тысячъ душъ обоего пола. Понятно, имъ было такъ выгодно, что никакого запрета на землю не надо было влать. Такъ еще лѣтъ 100—150 назадъ было и въ Сибири, такъ лѣтъ 400 тому назадъ было во многихъ мѣстахъ русской земли. Въ тогдашней общинѣ-волости каждый могъ захватывать земли сколько сумѣетъ обработать.

Но даже у уральскихъ казаковъ къ нынѣшнему времени народу прибавилось въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, стало маленько тѣснѣе и казаки должны были выдумать новыя правила насчетъ пользованія землей. Правила эти такія: ни одинъ простой ка-

закъ ¹⁾ не можетъ пахать больше 20 десятинъ хозяйственныхъ (33 казенныхъ) на дворъ. Что сверхъ этого—за каждую десятицу плата 3 рубля. Сѣнокосъ у нихъ производится разомъ въ одно время, на всемъ протяженіи войска. Въ первый день могутъ косить только одни казаки, безъ работниковъ, на второй и на третій день можно даже нанимать и работниковъ, но не болѣе двухъ, а потомъ сколько угодно. Скотины можно держать безплатно лишь установленное число головъ: за большее число казаки платятъ съ головы особый налогъ (акцизъ). Наконецъ, ловить рыбу въ Уралѣ казаки выходятъ разомъ, въ одинъ день всѣмъ въ войскомъ.

Что же изъ этихъ правилъ видно? Да то, что какъ стало потѣснѣе, пришлось права на землю равнять: пришлось уже не допускать вольнаго захвата земель. Въ Сибири, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ дремучаго лѣса-тайги, а есть удобная для пашни земля, стало еще тѣснѣе. И съ прежнихъ вольныхъ порядковъ сибирякамъ уже давно пришлось перейти на равенствѣ земли. Дѣлятся поровну (частью уже по душамъ) чаще всего сѣнокосы и пашня. Въ таежныхъ мѣстахъ лѣсъ еще вольный и въ лѣсахъ, какъ и въ степяхъ войска Уральскаго, богатые сибиряки еще ставятъ хутора-заимки. Тамъ ихъ въ землѣ никто не стѣсняетъ. Въ самой коренной Россіи давно уже стало утѣсненіе въ землѣ. Здѣсь за 200 славкомъ лѣтъ (съ 1680 года) народъ увеличился въ пять разъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуетъ общинный порядокъ, земля дѣлится еще ровнѣе: обыкновенно тутъ подворно крестьяне владѣютъ одной усадьбой. Пашня строго дѣлится по душамъ: въ однихъ мѣстахъ по работникамъ, въ другихъ—по наличнымъ мужскимъ душамъ, а въ третьихъ—и по мужскимъ и по женскимъ (по фдокамъ). Сѣнокосъ дѣлится также: но гдѣ его очень мало (дѣлится неудобно—дѣлянки малы), тамъ сѣно скашиваютъ всѣмъ міромъ и дѣлятъ кошнями поровну. То же дѣлаютъ часто и съ лѣсомъ...

¹⁾ Казачій оенцерь можетъ пахать гораздо больше.

Изъ всего сказаннаго видно, что чѣмъ тѣснѣе русскому народу жило, тѣмъ ровнѣе дѣлила община землю, чтобы каждый могъ по справедливости (по Божьему, говорятъ мужики) пользоваться своей долей. Вотъ въ этомъ то сравненіи земли и лежитъ вся суть общинныхъ распоряжковъ. Значить, общиннымъ, или вѣрнѣе, общинно уравнительнымъ называется такой порядокъ пользоваія землей, когда земля поровну разверстывается между членами одной общины. Въ Уральскомъ войскѣ такого равнѣнія еще не было, потому что цари кзикамъ даровали очень много земель: тамъ каждый могъ захватывать, сколько хотѣлъ земли и хотя у нихъ былъ общинный порядокъ, но не уравнительный, а захватной. Вся же сила теперешней крестьянской общины и состоитъ въ томъ, что она время отъ времени передѣляетъ землю поровну между ея членами—иначе уравниваетъ ее. Такъ община дѣлаетъ, какъ мы говорили, главнымъ образомъ, съ пахотной землей. Усадьбы же находятся у крестьянъ въ подворномъ владѣніи. Усадебную землю крестьяне равняютъ очень рѣдко: каждый можетъ продать свою усадьбу и купить у другого; усадьбы переходятъ по наслѣдству и дѣлятся при раздѣлѣ семей. Отъ того усадьбы по числу наличныхъ душъ не ровны: у однихъ крестьянъ семейство большое, а усадьба мала, у другихъ—наоборотъ: живетъ безъ дѣтей самъ другъ съ женой, а усадьба—хоть на тридцать душъ. Общинниковъ крестьянъ въ коренной Россіи (50 губерній), которые постоянно равняютъ землю по душамъ черезъ каждыя нѣсколько лѣтъ—больше двухъ третей (70⁰/о) ¹⁾. Остальная треть дѣлится на двѣ части: въ одной уже начались передѣлы, но еще не поровну, не по всѣмъ живымъ душамъ (частные передѣлы и переверстки). Въ другой—передѣловъ никакихъ не бываетъ. Тамъ крестьяне владѣютъ всей землей подворно и распоряжаются и съ усадьбой, и съ пашней, и съ сѣнокосомъ, какъ хочетъ каждый хозяинъ. Итакъ, если новые законы будутъ

¹⁾ См. Качоровскій „Народное Право“.

клониться къ тому, чтобы уничтожить общину, они перемѣняютъ порядокъ уравнительнаго пользованія въ каждахъ 70 изъ ста десятинъ земли коренной Россіи. И это будетъ коренной переломъ въ хозяйственной жизни крестьянъ. Потому то такъ и важно хорошенько обдумать этотъ вопросъ и рѣшить, выгодно ли громадному большинству крестьянъ коренной Россіи переходить на подворное владѣніе, или остаться при нынѣшнемъ общинно-уравнительномъ пользованіи. Но прежде, чѣмъ перейти къ этому, чтобы яснѣе представить себѣ общинные порядки, посмотримъ, какъ въ разныхъ мѣстахъ общинники дѣлятъ землю, иначе сказать, какіе способы выдумалъ самъ народъ, чтобы всѣмъ по возможности было дано земли „по справедливости, по Божьему“.

II.

Какъ крестьяне-общинники передѣляютъ землю.

До манифеста 1861 года крестьяне въ Россіи не были хозяевами своей земли. Тогда они дѣлились на два главные разряда: ¹⁾ государственныхъ (и удѣльныхъ) и на помѣщичьихъ. У государственныхъ крестьянъ, на которыхъ была наложена казенная подушная подать, правительство черезъ каждые 15—20 лѣтъ производило перепись наличныхъ душъ мужского пола. Переписи эти назывались ревизіями. Послѣ каждой ревизіи община передѣляла землю по числу душъ, записанныхъ въ ревизію. Если земли не хватало противъ опредѣленнаго надѣла, то правительство иногда дѣлало прирѣзку изъ близъ лежащихъ свободныхъ казенныхъ пустошей; а если ихъ не было, то порой даже переселяло на казенный счетъ на новыя волныя земли. Дѣлало это правительство не всегда и дѣлало такъ, что каждаго внесеннаго въ ревизію мужика оно облагало податью

¹⁾ О мелкихъ разрядахъ—четвертинныхъ, воловистыхъ, башкиръ, резешей и т. д.—мы говорить не будемъ.

и за это каждая окладная (податная) душа получала право на надѣлъ отъ казны. У помѣщичьихъ крестьянъ надѣъ землей и надѣъ крѣпостными рабами орудовалъ баринъ. Обыкновенно и у помѣщичьихъ крестьянъ, какъ и у государственныхъ, были общинные порядки; но у нихъ земля дѣлилась не по мужскимъ душамъ, а по „вѣнцамъ“. Вѣнцомъ называлась пара работниковъ—мужъ да жена. И когда заводилось новое хозяйство—новый вѣнецъ—баринъ или община нарѣзали имъ тягло—земельный надѣлъ. Для барина было самое важное, чтобы мужикъ хорошо работалъ на него. Съ каждаго тягла баринъ получалъ оброкъ или заставлялъ за него работать на барщинѣ. И вотъ, когда брачная пара была изъ плохихъ работниковъ—община или баринъ сваливали съ нихъ оброкъ, отнимали землю—тягло и давали такой семьѣ, которая могла работать за двоихъ, выручать оброкъ или барщину.

Значитъ, между общинами государственныхъ и барскихъ крестьянъ въ ту пору была большая разница. У государственныхъ—послѣ каждой ревизіи происходилъ общій передѣлъ по всѣмъ наличнымъ мужскимъ душамъ, происходило поравненіе земли. У помѣщичьихъ же крестьянъ общихъ передѣловъ не было: у нихъ было то, что называютъ свалкой-навалкой, или частнымъ передѣломъ. Земля не равнялась по числу душъ въ семьѣ, а переходила по наследству изъ рода въ родъ. Баринъ или община только передавали новоженамъ выморочные надѣлы, либо нарѣзали новые. Выходило, что въ одной семьѣ было много народу, а земли мало и наоборотъ. Общихъ передѣловъ, общихъ равеній не было. Но вотъ пришелъ манифестъ 1861 года. Передъ манифестомъ правительство много и долго толковало насчетъ общины: какъ съ ней быть, уничтожить ее, или нѣтъ. Рѣшили такъ: землю нарѣзать на цѣлую общину, какъ на казенныхъ, такъ и на барскихъ крестьянъ.

Если $\frac{2}{3}$ крестьянъ согласятся раздѣлиться навѣчно—пусть дѣлятся; если согласятся передѣлить землю на новыя души—тоже можно. Порѣшивши такъ, правительство въ 1858 году

сдѣлало послѣднюю ревизію, переписало всѣ наличныя мужскія души и потомъ, при выходѣ на волю, каждой общинѣ на-рѣзался надѣлъ по числу этихъ ревизскихъ душъ.

И стали крестьяне съ тѣхъ поръ вправѣ распоряжаться землей, какъ хозяинъ: хочешь дѣли по дворамъ навѣчно, покупай, пролавай, сдавай въ аренду свой надѣлъ (если $\frac{2}{3}$ домохозяевъ согласны): хочешь веди общинныя распорядки—равный землю по душамъ, чтобы никому не было обидно.

Однако, крестьяне тогда были совсѣмъ темны: не знали законовъ, не знали своихъ правъ и все ждали, когда будетъ новая ревизія, чтобы начать передѣлы.

Надѣляя еще народъ, что, какъ и прежде, имъ при новой ревизіи сдѣлають прирѣзку земли на прибылыя души. Говорили: „царь далъ волю, дать и землю“. Однако, ждали-пождали—нѣтъ ревизіи, нѣтъ и прирѣзки, а наоборотъ и старыя надѣлы, которые до воли были—урѣзали. Межъ тѣмъ земля стала дробиться по дворамъ совсѣмъ неравно: у одного семья прибавилось—надѣлъ малъ, у другого семья убавилось—а надѣлъ сталъ не по правилу великъ. Дѣло пошло неправильно, нехорошо по понятію крестьянъ. Ждали-ждали ревизіи, да прирѣзки и, наконецъ, порѣшили „самовольно“ подѣлить земли.

Передѣлы начались въ 70-хъ годахъ—лѣтъ тридцать тому назадъ. Сначала передѣляли по старому: государственные—какъ привыкли—по мужскимъ душамъ, а глядя на нихъ, понеяногу, также стали дѣлить и помѣщичьи. Однако, большинство помѣщичьихъ уже привыкло къ подворному владѣнію по тягламъ и на общіе передѣлы, на общее равеніе не рѣшались, а производило свалки-навалки съ однихъ душъ на другія. Выходило такъ еще и потому, что на помѣщичьихъ крестьянъ были наложены большіе выкупные платежи. Земля часто давала меньше чистаго дохода, чѣмъ за нее приходилось платить выкупныхъ. Передъ казной за подати общество отвѣчало круговой порукой. Поэтому общество сваливало у недоящихъ въ земельныя надѣлы и наваливало его на крѣпкихъ мужиковъ, которые могли

совладать съ выкупными. Выходило, однимъ словомъ, тоже самое, какъ и при крѣпостномъ правѣ, только мужикъ теперь былъ въ крѣпости не у барина, а у казны.

Понятно, что за землей въ такихъ мѣстахъ не гнались: поравненіи земли между всѣми членами общины никто не требовалъ и общихъ передѣловъ не происходило.

Но въ 80-хъ годахъ — дѣтъ 20 тому назадъ — выкупные платежи стали легче, держать надѣльную землю стало выгоднѣе. Къ тому же арендные цѣны на помѣщичьи земли сильно вздорожали. Многихъ бѣдняковъ, обдѣленныхъ мірской землей, стали надѣлы привлекать, и во многихъ помѣщичьихъ общинахъ большинство крестьянъ потребовало равенія земли, т. е. общихъ передѣловъ. И въ 80-хъ годахъ начались повсюду въ Россіи общіе передѣлы земли; чѣмъ дальше шло дѣло, тѣмъ легче были выкупные платежи, тѣмъ дороже становилась земля и тѣмъ чаще устраивали общіе передѣлы.

Въ Саратовской губерціи къ 1870 годамъ изъ 100 деревень передѣляло всего 33, къ 1880 — 39, къ 1890 — 54, а къ 1900 году — 60. Теперь, какъ мы видимъ, въ коренной Россіи общіе передѣлы происходятъ въ 70 деревняхъ изъ сотни. Мужики поняли, что общій передѣлъ — дѣло справедливое, важное для всѣхъ крестьянъ и что если землю не передѣлать, то половина мужиковъ заберетъ у другой половины надѣлы и стантъ богатой, а другая половина безъ земли и заработковъ на сторонѣ можетъ просто съ голоду умереть. А на счетъ прирѣзки земли правительство давно заявило: „больше не ждите ничего“. Покойный царь Александръ III сказалъ крестьянамъ: „не вѣрьте ложнымъ слухамъ о дополнительныхъ прирѣзкахъ и отрѣзкахъ“, а нынѣшній государь подтвердилъ слова своего родителя.

И вотъ, когда мужики сами взялись за умъ, перестали надѣяться на казну и начали устраивать свои „ревизіи“, да передѣлы — скоро многія общины поняли, что старыя разверстки, которыми ихъ научила казна и господа — неправильны.

Начали они сами изыскивать свои способы, чтобъ земля